

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ВЛАДИМИР КОРАЛЛИ – ЕДИНСТВЕННЫЙ МУЖ СТР. 8-11 КЛАВДИИ ШУЛЬЖЕНКО

ЛУЧШИЕ СОВРЕМЕННЫЕ
АНГЛИЙСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

СТР. 15

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№20 (20)
ОКТЯБРЬ 2020

Бульварные новости

СТР. 6-7

ЗА ЧТО ЖЕНЩИН
КАРАЛИ КЛЕЙМОМ
«ВЕДЬМА»

18 НЕОБЫЧНЫХ
ТРАДИЦИЙ И
ОСОБЕННОСТЕЙ
БЕЛЬГИИ

СТР. 16-17

«РАДИОНЯНЯ», «КУКЛЫ» И ДРУГИЕ ПРОГРАММЫ ЕФИМА СМОЛИНА

Окончание. Начало в «Бульварных новостях» № 19.

Беседовал Геннадий Норд

— Знаю, что ты был автором многих телевизионных программ, делал программу «Куклы».

— В 1993 году, слава Богу, это давно было. Ну, это было, тогда как раз, когда у нас такая демократия была. А сейчас хочу попробовать такой же проект, типа «Кукол», сделать на радио с пародистами. Но пока, откровенно говоря, совершенно непонятно нужно ли это? Пройдет ли? Ну чего метать бисер перед свиньями, если этот проект опять принимать не будут.

Помню, когда вышел первый выпуск «Кукол», мне позвонила корреспондентка «Би-би-си». Говорит: «У вас недостаточно остроты, вы не можете пародировать Ельцина». А на самом деле проблема была очень простой. У нас куклы, несомненно, что дорого стоили, были все, но не хватало пародистов. Стоимость проекта я точно не знаю, но, наверное, она была достаточно большой. Куклы стоили по 7,5 тыс. долларов каждая, делали их французы. Причем куклы все были похожи не на русских, а на французов. Фантастика какая-то. Это все равно, что китайский Ленин. И там была кукла Ельцина, не самая хорошая, но была. Не было пародиста. Пародиста я видел случайно. Был какой-то юбилей Театра Сатиры, и вышла на сцену маленький-маленький Безруков. А у него отец работал в театре, хороший актер был, и парень, конечно, был просто замечательный, скромный такой. Я тут же его нашел, и Сережа записывался, причем записывался, смешно сказать, за 70 долларов. И как только он стал записываться — все, появился Ельцин.

— А почему ты ушел из проекта?

— Дело в том, что мы, авторы, привыкли работать или сами для себя, то есть себе писать текст, или, в крайнем случае, для исполнителя. А когда пришлось работать с коллективом, тяжело стало. Да еще в режиме Конвойера. Еще у нас народ особый, тухнет все на

ходу просто. Я помню, когда в 1993-м была такая история — «черный вторник», падение курса рубля. Перед этим глава Центробанка Геращенко говорил: «Отрубите мне руки, если будет что-то такое». И мы сделали программу, где кукла Геращенко была с отрубленными руками. Но события произошли во вторник, а в субботу уже все вё простили, забыли, равнодушны было полное.

Я хочу сказать, что очень сложно работать для эфира. Часто возникают конфликты, причем производственные конфликты, причем, ничего личного. Помню, оператор мне говорит: «Плохой сценарий». Я ему говорю: «Почему?» — «Потому что у тебя в кадре все время три-четыре персонажа, это сложно снимать, надо чтобы был один».

шло, потому что это было уже никому не нужно.

— У тебя же были и другие телевизионные проекты?

— У меня была игра «Колос историй». Она потом перешла со второго канала на первый, а потом... Все имеет свой конец. Потом пришло другое время. Наше телевидение начинилось с краденых программ. Не буду называть крупных руководителей телеви-

мене показали один сценарий. У нас есть мощная структура, которая производит сериалы по западным сценариям. Так вот, там сделали сериал «Моя бедная няня». Там есть многое из того, что я проходил по книгам, но сценаристы этой жизни не знают. Там старший дворник Никифор влюбился в Лукерью, и они вместе ищут лунный камень... Такая ахинея.

— Кстати, о няне. Ты ведь делал знаменитую «Радионянь». Как взрослому человеку удавалось писать тексты для «Радионяни», которые были понятны и смешны детям?

— Да я сам сомневался, смогли ли! Я в то время работал в «Литературной газете» — в разных и, что интересно, серьезных отделах отработал десять лет.

Ко мне пришел мэтр нашего жанра Саша Левонбук с предложением сделать детскую радиопрограмму. Я только начинал тогда писать, и мне казалось, что для детей это надо делать как-то по-другому. Но попробовал и очень скоро понял: техника юмора и для детей, и для взрослых одинакова.

По сути, это те же анекдоты. Сценарии ко всему «Ералашу» написаны так же, как пишутся классические сказки. И потом мне кажется, что в каждом взрослом человеке живет ребенок. Я, например, хорошо помню времена своего детства, школы, то есть тематика была мне понятна.

— Вы ведь пытались возобновить «Радионянь»?

— И у нас ничего не получилось. Я долго думал, почему и понял: время идет, все меняется, выросло абсолютно новое поколение, совершенно нам

Юрий Стоянов и Ефим Смолин

Поэтому долго я там не задержался. Скандалы, все такое... А потом безумно жалел, что ушел. Жалел, даже пытался сделать сам программу, ужо не с куклами, а с масками. Ничего не вы-

зиновых. Но я просто заходил к ним в кабинеты, а мы все были дружбаны, и смотрел, как ребята просто брали с западных телеканалов программы и списывали. Главное — это ведь идея. А все это были мальчики, закончившие английские спэшшколы, хорошо знающие языки.

— Получается, что большинство российских телепрограмм украдено с Запада?

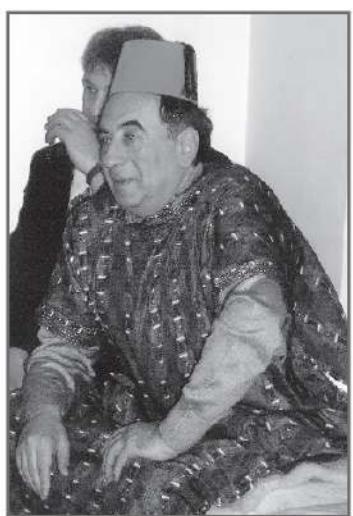
— Дело даже не в том, что они лишили хлеба авторов программ, дело в том, что есть такая вещь, как ментальность русского народа, и все остальные ментальности. У нас — совершенно особая история. Поэтому, на мой взгляд, такая игра как «Слабое звено» — не для нас. Я играл в ней сам, и понимаю, как это тяжело, когда рядом стоит девушка, написать: «Наташу — удалить» и поднять эту надпись. Ну не по-нашему это, и вообще все эти игры, связанные с деньгами... Правда, у нас удачно прижилось «Поле чудес». Потому что это соответствует нашей ментальности — вдруг получить смартфон! На халюв!!!

— А с играми и кинофильмами также картина?

— Что касается игр и кинофильмов, то теперь за ними ездят на Запад и цивилизованно все покупают. Вот недавно

Ефим Смолин и Клара Новикова

непонятное. Им неведом страх перед учителями и вызовом в школу родителей, они не боятся получить плохую оценку, не списывают друг у друга контрольные и не готовят к экзаменам шпаргалки.

Я уже не говорю про сам язык. У меня есть один номер на тему «Отцы и дети», который я в свое время написал для «Городка». Он весь построен на современном молодежном жаргоне: лох панцирный, ватрушка, шнурки в стакане. Так вот, для того, чтобы записать все эти «термины», я специально тормошил свою дочь, которой тогда было лет восемнадцать. И сам рассказ построен на приеме «недоразумение», когда отец не может понять свою doch.

Нынешние дети совсем другие, и сегодня я уже не смог бы писать сценарии для детской программы. Хотя старые, до сих пор прекрасно слушаются. Загадка!

— Почему одна и та же шутка одному человеку смешна, а другому нет?

— Это от очень многих причин зависит. Тут главный вопрос: для кого ты пишешь? Кому адресуешь свои шутки? К примеру, одно дело, если ваша газета для молодежи, и совсем другое — если для пенсионеров. А когда пишешь для широкой публики, надо учитывать некое среднее арифметическое.

Есть, например, в зале люди с высоким интеллектуальным коэффициентом — скажем, 10, а есть те, у кого он составляет всего 2. Сложив 10 и 2, получим 12, а разделив его на 2, вообще 6. Вот для этих 6-ти и надо писать. Для среднего уровня, простым, доступным языком.

Вообще-то, ошибиться я могу процентах в 10-ти, а на остальных 90 — угадываю. Эстрадная школа в отличие от телевизионной или театральной комедии жестока — здесь нужен успех, и немедленно! Поэтому работаешь иногда автоматически, по одному и тому же алгоритму. Я, например, всегда проверяю свои новые тексты на публике. Даже в самый мертвый сезон стараюсь найти какой-то хромой концерт, как это было, когда я выступал в санатории для желудочныхников. Но все равно бывают очень обидные ошибки.

— И у тебя они были?

— А как же! В самом начале перестройки я написал рассказ о сумасшедшем доме, в котором лежились парработники с манией величия: один возомнил себя Лениным, другим — Дзержинским. История очень забавная и на публике всегда проходила, что называется, на ура. Приехал на очередной концерт, читаю. Сначала тишина, потом вдруг крики: «Позор! Долой! Вон!». Пришлось срочно закончить выступление, после чего я, честно говоря, спрятался в гримуборной и ждал, пока все уйдут: из зала просто не было другого выхода.

Оказывается, это была партийная конференция большевиков, на которую я приперся с таким текстом! Аналогичный случай, произошел в 1986 году во Дворце культуры Автомобильного завода имени Ленинского комсомола. Представь: в абсолютно гробовой тишине начали 45 минут пел Градский, потом столько же выступал я! Как потом выяснилось, только что рванул Чернобыль, а поскольку концерт был посвящен Дню энергетика, в зале сидели... работники электростанций. Неудивительно, что они были похожи на покойников. Бывают на концертах экстремальные ситуации, когда кажется: все, провал! Хотя и провалы бывают у всех, вопрос в том, какие выводы мы из них делаем.

— А как ты находишь то смешное, о котором потом пишешь?

— Просто смотрю на все, что происходит вокруг, внимательно слушаю.

Вот на монолог о статистике меня подтолкнула радиопрограмма, которую я совершенно случайно услышал, когда ехал в машине.

Оказывается, во время полового акта мужчина тратит столько же энергии, сколько уходит во время пробежки на пять тысяч метров. Ну, фраза и фраза! А я вдруг так явственно увидел этого мужика, который говорит: «Да на хрен

Геннадий Норд, Виктор Коклюшкин, Ефим Смолин

мне все это надо — ухаживать, цветы дарить, переживать, мучиться! Пробежал пять тысяч метров — и в полном порядке!»

Или еще говорят, что улыбка заменяет ведро сметаны. Но ведь, сколько ни улыбайся, все равно сыр не будешь!

Ефим Смолин, Константин Станиславский, Александр Левенбук

— А бывало наоборот: написанное тобой слушалось потом в реальной жизни?

— Со своими произведениями что-то я такого не припомню, но, вообще-то, в мистику верю. И чем ближе к старости, тем больше. Согласен с тем, что любое слово материализуется. Причем для этого есть реальные медицинские предпосылки. Если смотришь на себя в зеркало и говоришь: «До чего же я страшный», не сомневаясь, так и будет!

— В общем, если каждый день называть человека свиньей, в конце концов, он захрюкает?

— Может, и не захрюкает, но лучше ему от этого не станет, это точно! Сам не заметишь, как какие-то анимокислоты сделают свое дело, и ты просто потухнешь. А если человек уверен в своей неотразимости, у него и надпочечники работают по-другому, и спина распрямляется. Всегда лучше оставаться оптимистом!

— Большинство людей боятся сме-ха в свой адрес, а юмористы к нему стремятся. А что ты чувствуешь, когда над тобой смеются не на кон-цепте, а в жизни?

— Да то же, что и другие! Принято считать, если у тебя есть чувство юмора, ты не обижашся на шутки в свой адрес. Ничего подобного! Конечно, я могу оценить степень хорошего ро-

зыгрыша, но все равно он меня задевает за живое. Много лет назад была у меня такая ситуация.

Мы с Леной Якубовичем были вместе в круизе «Поле чудес», приходил теплоход, конечно же, в Одессу. А как раз ввели какие-то новые украинские день-

ги. Популярность у Якубовича была жуткая, но в деньги она, увы, не превращалась. Помню, что очень хотелось пить, но мы не смогли наскрести даже на бутылку «Куяльника»!

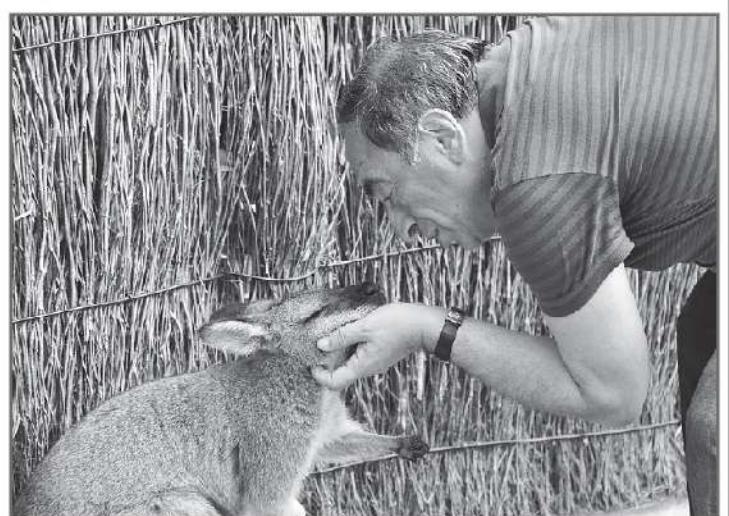
Для начала мы с Якубовичем съехались в одну гостиницу, чтобы легче было вдвое голодать. Гостиница, правда, шикарная — «Лондонская», но платить за нее не надо было. А дело как раз было 1 апреля, поэтому мы с ним и остались в Одессе.

И тут звонит мне какая-то женщина, представляется администратором Гурвица, он тогда как раз в мэры избирался. Спрашивает: «Вы не могли бы выступить на площади?». Я, надо сказать, всегда ненавидел уличные выступления. Мне кажется, должен быть контакт со зрительным залом, а для этого нужна соответствующая обстановка. К тому же уже тогда было много обкопотых, я уже не говорю про просто пьяных. В общем, отказался. И, чтобы как-то притупить чувство голода, решил пойти попариться в сауну. Выхожу оттуда и слышу, как Якубович с кем-то по телефону разговаривает: «Да, слушаю вас! Сколько мы должны за сауну? 50 гривен?!». Смотрим мы с ним друг на друга и понять не можем: 50 гривен — это сколько?! Какая-то совершенно запредельная сумма! Не знаю, что делать, — говорит он мне, — надо платить!»

— Ужасная ситуация!

— И в это время опять звонит администратор Гурвица: «Ефим Маркович, может, вы все-таки выступите?» Я напускаю на себя грозный вид и говорю:

Окончание на с. 14

Окончание. Начало на с. 12-13

«50 гривен! Деньги вперед! И просто слышу в трубке, как она переводит дыхание: «Фу-у! Пронесло! Беру я эти деньги, иду к администрации и гордо говорю: «Мы вам что-то там должны за сауну, возьмите!» «Что вы должны? — удивляется та. — Пользование сауной входит в стоимость номера!». И я стою как идиот!

—Классный разыгрыш!

—Якубович вообще любит разыгрывать и, надо отдать ему должное, делает это очень хорошо, но жестоко. Правда, я на его крючок больше не попадался. Спустя несколько лет были мы в той же Одессе на каком-то фестивале. И мой знакомый, который держал кафе, кормил нас просто так, из дружеского расположения. Появился Якубович и тут же попытался меня разыграть: дескать, с нас хотят взять деньги за кормежку. Начал с 50 долларов. Когда я сказал: «Ну, хорошо!», он не изменил способ разыгрыша, а начал увеличивать сумму: «С нас 100 долларов!». В общем, я не повелся, и он был жутко разочарован.

—А сам ты любишь кого-то разыгрывать?

—В жизни — не очень, а вот на телевидении у меня была целая программа, состоящая из разыгрываний. Называлась она «Анализы недолги». Но должен сказать, в плане юмора разыгрыш — не самое лучшее оружие. Если зритель не врубается, что с ним шутят, ситуация просто выходит из-под контроля.

Например, у нас в программе был такой сюжет, на мой взгляд, очень смешной. В кадре появился корреспондент и сказал: «На птицефабрике авария, отключено отопление, поэтому куры мерзнут и не могут высиживать яиц. Положение спас завод солдат, ребята греют яйца своим телом». Казалось бы, полный абсурд! Но через некоторое время мне пришло письмо из Министерства обороны, какой-то высокий чин требовал назвать фамилии людей, в свободное от службы время халтуривших на птицефабрике. Самое страшное, что такие люди могут стоять во главе полков и дивизий!

—Вернемся к Хазанову. В свое время ты много писал для него.

—Хазанов был моей первой любовью на эстраде. А по-другому просто нельзя. С актерами надо работать с полной отданой, иначе успеха не будет. Когда писал для знаменитого пана Зози, актера Зиновия Высоцкого, так через какое-то время просто стал заниматься так же, как и он. А когда работал с Хазановым, мы внешне стали похожи, как бра-

Ефим Смолин, Геннадий Норд, Борис Греческий

тья. Истории с кулинарным техником принимал настолько близко к сердцу, что они стали моей второй реальностью!

что первые монологи придумал Аркадий Хайт, кто-то что Аркадий Арканов. Точно также, как мало кто знает, что двух за-

—«Кулинарный техник» тоже ты придумал?

—Нет, я подключился к его написанию позже, когда «Кулинарный техник» уже оброс легендами: кто-то говорил,

мечательных старух, Авдотью Никитичну и Веронику Маврикьевну, придумал Александр Ширвиндт. Причем совершенно случайно. А уж потом не менее замечательные актеры Борис Владими-

ров и Вадим Тонков эти образы подхватили и удачно в них вписались.

На первых порах это был даже и не кулинарный техник, а пищевой институт. Очевидно, кто-то из первых авторов имел к нему отношение. В разное время тексты «Кулинарного техника», как сценарии долгиграющего сериала, писали разные люди — и Лин Измайлов, и я. Студент кулинарного техникума — это же всего лишь образ, маска.

—Ты много работал с Савелием Крамаровым. Вспомни что-нибудь веселое?

—О наших юмористах я говорю: не все талантливы, как Гоголь, но все такие же сумасшедшие! А Крамаров оставался артистом до мозга костей, с достаточно жесткой эстрадной закалкой. Один из администраторов созвучной мне фамилией Смолиной во время гастролей в Курске предложил Крамарову: «Тут недалеко надо еще выступить, буквально километров пятнадцать от города! Сели в машину, поехали. Через 15 километров Крамаров говорит водителю: «Останови!». Вышел, вокруг голая степь, одни сугробы стоят. Сказал: «Добрый вечер, дорогие зрители!» и отчесал весь свой репертуар! После чего сел в машину и уехал назад.

—А какие вообще отношения в компании юмористов?

—Сложные. Больше всего подошло бы сравнение: пауки в банке! Наше сообщество абсолютно разрозненное, каждого-то здорового общения никогда не было. Например, у меня практически со всеми случались конфликты. Ну что делать, если у каждого завышенная самооценка!

Юмористы — не самая здоровая профессия в психическом смысле. Профессиональные издержки: как у шахтеров асбест в легких, так у юмористов — жель на языке. Все мы достаточно злые люди. Но и друг без друга не можем. Тем более что нас очень мало.

—Идеальный твой зритель — кто он?

—Женщины. Это самая благодарная часть зала. Они соображают лучше мужиков.

—Ты продолжаешь делать пародии на политиков?

—Пародии неплохо кормят, но, сказать честно, от некоторых «оригиналов» меня уже немножко подташнивает, их стараюсь не трогать. Написал для Михаила Грушевского пародию на Путина. Вся ситуация связана с предыдущей профессией президента. Своё опоздание на заседание правительства он объясняет тем, что по привычке пытался уйти от «хвостов».

А вообще, есть вещи, которые сразу вызывают желание сесть и писать, и делать пародии и что-то такое.

—Если кто-то захочет организовать твой концерт, что нужно сделать?

—Позвонить и просто пригласить Ефима Смолина.

Уточнение. В первой части интервью с Е. Смолиным допущена опечатка. На стр. 10 ошибки в подписи центральной фотографии. Должно быть «Ефим Смолин и Елена Воробей». Принимаем свои извинения.

